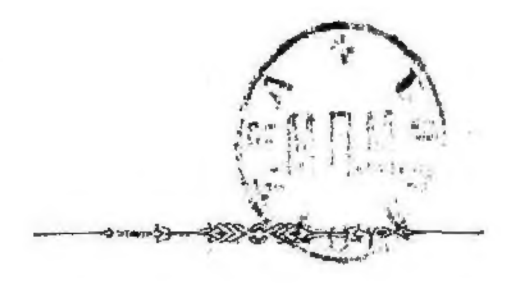
РОССІЯ—СВѢТОЧЪ

ПРАВОСЛАВІЯ.

Проф. А. Царевскаго.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1894.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“
за 1894 годъ.

Святое христіанство явилось Божественною силою, освятившею и духовно возсоздавшею всю землю и все земнородное. Въ исторіи человѣчества оно явилось поворотнымъ пунктомъ, съ котораго повелось иное направленіе и совсѣмъ другой строй въ жизни людей и цѣлыхъ народовъ. По справедливымъ словамъ одного изъ либеральнѣйшихъ мыслителей (Гегеля), христіанство есть „міровой рычагъ, на которомъ обращается міръ, до котораго и отъ котораго идетъ вся исторія міра". Какъ сила Божія во спасеніе (Рим. I, 16), христіанство постепенно совершало и совершаетъ истинный прогрессъ въ человѣчествѣ, т. е. духовное совершенствованіе, умственно-нравственное преуспѣяніе, которыми такъ рѣшительно и существенно отличаются времена и народы христіанскіе отъ временъ и народовъ нехристіанскихъ. Стремясь къ водворенію царствія Божія на землѣ, христіанство совершаетъ свое величайшее, спасительное дѣло, отнюдь не насилуя воли и свободы человѣческой, не путемъ какихъ либо крутыхъ переворотовъ, не насильственнымъ уничтоженіемъ прежнихъ порядковъ, а постепеннымъ, внутреннимъ проникновеніемъ во внутрен-

1*

нѣйшія стороны жизни вѣрующихъ людей и всесторонним преобразованіемъ этой жизни.

Изъ всѣхъ племенъ и народовъ земныхъ, наша Русь святая едва ли не болѣе всѣхъ испытала на себѣ благодатное воздѣйствіе христіанства; болѣе всѣхъ другихъ народовъ она имѣетъ данныя усматривать особенное Божественное промышленіе о себѣ, такъ сказать, осязать руку Божію на всѣхъ судьбахъ своихъ, на всемъ, что съ нею было и что сбывается. Съ самаго начала своей исторической жизни Русь явилась нарочитою избранницею Промысла Божія. Подобно тому, какъ древле Богъ избралъ гору Сіонъ, „юже возлюби и избра въ жилище себѣ“ (Пс. CXXXI, 13); подобно тому, какъ избиралъ Онъ въ особенную любовь свою праотцевъ Авраама, Исаака, Іакова, царя Давида, пророка Іеремію и др., какъ потомъ Самъ Христосъ Спаситель избралъ и къ себѣ попреимуществу приблизилъ двѣнадцать учениковъ своихъ и изъ нихъ Іоанна, возлюбленнѣйшаго своего ученика,—такъ Богу угодно было избрать въ семьѣ народовъ славянорусскій народъ, съ самаго возникновенія его, избрать предметомъ особенной своей любви и промышленія, подготовляя его къ своему служенію и великой міровой дѣятельности.

Въ самомъ дѣлѣ, уже первоначальное возникновеніе славянорусскаго царства представляетъ сцѣпленіе знаменательныхъ и неожиданныхъ, повидимому, случайностей, въ которыхъ однако непредзанятый взоръ историка узнаетъ перстъ Божій и особенное Божественное изволеніе. Изъ чего, какъ и когда составилась

славянская Россія? — Невѣдомо отколѣ, когда именно и при какихъ условіяхъ — хотя это было уже во времена для Европы освѣщенныя исторіею, — на мѣстѣ хорошо также извѣстныхъ исторіи древнихъ народовъ, появляется новое племя, славянское. Происхожденіе славянъ и обстоятельства ихъ первоначальнаго появленія въ Европѣ остаются доселѣ, да вѣроятно и навсегда останутся, историческою загадкою, на которую отвѣчаютъ въ наукѣ одни только предположенія, различныя гаданія и гипотезы. Ни по своей культурѣ, ни въ своемъ бытѣ жизненномъ племя славянъ не представляло изъ себя ничего хоть сколько нибудь прочнаго, устойчиваго, не имѣло, повидимому, никакихъ задатковъ на продолжительную жизнь и видную историческую роль, не имѣло даже никакихъ ручательствъ за свое независимое существованіе и дальнѣйшее развитіе. По всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ и естественнымъ видимостямъ, оно должно было составить самую удобную и легкую добычу для какого либо иного, болѣе развитого племени и въ немъ окончательно выродиться, безвозвратно потонуть. Славяне представляли собою племя въ собственномъ смыслѣ слова дикое, совершенно невѣжественное и безсильное; языческая религія ихъ не возвышалась надъ обоготвореніемъ земли и видимыхъ частей и силъ природы; по культурѣ своей они стояли на самой низкой ступени развитія; въ политическомъ отношеніи они не составляли даже и подобія какого либо государственнаго объединенія: вся масса славянъ состояла изъ безчисленнаго множества отдѣльныхъ семей, родовъ, об-

щинъ, частныхъ племенъ, не имѣвшихъ никакого между собою сцѣпленія и непрерывно враждовавшихъ между собою. Даже имя націи не примѣнимо къ тогдашнимъ славянамъ, такъ какъ никакого сознанія національнаго единства, родства племеннаго, повидимому, не было въ средѣ ихъ: когда напр. нѣкоторые изъ нихъ—новгородцы и кривичи—не будучи въ состояніи управиться сами собою, захотѣли какъ нибудь упорядочить „великую и обильную, но чуждую порядка" землю свою, то вмѣстѣ *съ иноплеменниками, съ чудью,* обратились они *къ иноплеменникамъ же—варягамъ,* чтобы тѣ владѣли ими....

И вотъ эти-то, такъ сказать, только клочки племенные, это великое количественно, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ничтожное и совершенно безсильное племя, безъ сомнѣнія самое „худородное и уничиженное" въ семьѣ всѣхъ тогдашнихъ обитателей Европы, избралъ Богъ какъ новый для себя Сіонъ, который Онъ и „возлюби и избра въ жилище себѣ!" Вдругъ, какъ-то непостижимо быстро и неожиданно является изъ этой разобщенной, безсильной громады славянской цѣлая совокупность обособившихся и крѣпкихъ государствъ. Одновременно съ этимъ политическимъ сложеніемъ, также вдругъ, также быстро и какъ бы сразу, усвояютъ славяне Православное христіанство. Быстро послѣ этого развивается въ средѣ ихъ и религіозное знаніе и умственное просвѣщеніе и правильная гражданственность, словомъ — растетъ и духовная и политическая ихъ сила. Когда же это историческое „вдругъ" совершилось? А какъ разъ въ то именно время, когда истин-

ное, Православное христіанство, усиліями злобы адской, лишалось на землѣ своего пріюта и когда необходимъ былъ новый кивотъ для храненія на землѣ святилища неомраченной вѣры Христовой: когда, съ одной стороны, весь могущественный западъ христіанскій отдѣлился отъ Православія и сталъ на путь еретическихъ заблужденій, а, съ другой стороны, весь востокъ нѣкогда великой державы Константиновой готовъ былъ уже окончательно пасть подъ владычествомъ исламизма.—Такимъ образомъ, неожиданное возникновеніе славянской Россіи, въ связи съ указаннымъ положеніемъ міра христіанскаго въ то время, не свидѣтельствуетъ ли объ особенно-промыслительномъ высокомъ христіанскомъ предназначеніи Россіи уже съ самой ея колыбели?!

Если далѣе слѣдить за начавшеюся жизнью юной Россіи, то мы видимъ, какъ все вело ее къ ея предназначенію, какъ неуклонно шла она ни къ политическому главенству, ни къ научному превосходству, ни къ промышленному или торговому преобладанію, словомъ, ни къ чему, что обычно характеризуетъ другіе народы и что отличаетъ одинъ народъ отъ другихъ, а главнѣйшимъ образомъ, если только не единственно, къ одному: къ тому именно, чтобы стала она „Русью святою", т. е. живою носительницею Божественной истины, новымъ кивотомъ, хранящимъ въ себѣ на всѣ времена и для всего человѣчества завѣтъ Православнаго христіанства!

Нѣтъ, конечно, никакой возможности прослѣдить въ краткой бесѣдѣ всю исторію Россіи, въ связи съ

исторіею въ ней Православія; поэтому остановимъ свое вниманіе только на двухъ сторонахъ, на двухъ общихъ пунктахъ изъ всей этой исторіи—

Во 1-хъ на томъ, что Россія, съ первыхъ дней своихъ призванная въ лоно церкви Православной, поставила существеннѣйшею цѣлью для себя воспріять и усвоить во всей благодатной полнотѣ и силѣ святое Православіе и затѣмъ хранить его въ строжайшей чистотѣ, блюсти въ неприкосновенной цѣлости,—вслѣдствіе чего Россія именно и явилась для всего міра вѣрною *исповѣдницею*, ревностнѣйшею *хранительницею* и яркимъ *свѣточемъ* чистѣйшаго, ничѣмъ не запятнаннаго и нисколько не извращеннаго Православнаго христіанства.

Во 2-хъ на томъ, что святое Православіе, съ своей стороны, всецѣло и всесторонне проникло собою жизнь народа русскаго и обусловило собою всю исторію Россіи, такъ что всегда оно было и навсегда имѣетъ пребыть истинною *душою* Россіи [1]).

Вопросъ о православномъ достоинствѣ исповѣдуемаго Россіею христіанства имѣетъ роковое значеніе, можно сказать, для цѣлаго міра, потому что именно отъ недовѣрія къ чистотѣ Православія русской церкви или отъ сомнѣнія въ томъ и погибаютъ многіе милліоны иновѣрцевъ и многія тысячи нашихъ единокровныхъ и единоплеменныхъ раскольниковъ. А между тѣмъ вопросъ этотъ рѣшается съ совершеннѣйшею опредѣленностію

[1]) 2-й пунктъ разсмотрѣнъ въ брош.: «Православіе — душа Россіи».

и очевидною несомнѣнностію, и рѣшается именно въ самомъ благопріятномъ и безусловно положительномъ смыслѣ. Вся исторія выступаетъ могущественнымъ и непререкаемымъ свидѣтелемъ цѣльности, чистоты и истинности исповѣдуемаго Россіею Православія. Шагъ за шагомъ, годъ за годомъ, столѣтіе за столѣтіемъ, исторія отпечатлѣваетъ въ себѣ жизнь нашей церкви и утверждаетъ полнѣйшее согласіе ея съ церковію древнею вселенскою, ничѣмъ и никѣмъ непоколебленную стойкость ея въ преданіяхъ апостольскихъ и святоотеческихъ, свято охраненную въ ней неотступную вѣрность ея Божественному ученію Христа Спасителя. Безпристрастный и непредзанятый взоръ изслѣдователя, слѣдя исторію русской церкви — во всѣхъ ея судьбахъ и обстоятельствахъ, во всѣхъ дѣяніяхъ и подвигахъ ея іерарховъ, въ жизни и твореніяхъ ея пастырей и представителей, во всемъ наконецъ ея внутреннемъ и внѣшнемъ устройствѣ, — не можетъ не узнать въ ней церкви единой, святой, соборной и апостольской, церкви осѣняемой крестомъ Христовымъ, водимой Духомъ Святымъ, церкви истинной, правой, Православной.

Получивши начало свое отъ Православной церкви константинопольской, которая въ ту пору, въ X столѣтіи, неоспоримо была верховною хранительницею и представительницею Православія, свѣтиломъ и средоточіемъ церкви вселенской, церковь русская воспріяла отъ этой своей матери духовной всю полноту благодати, истиннаго религіознаго знанія и богословскаго просвѣщенія, приняла отъ нея всѣ церковные символы

и каноны, правила и уставы, даже—весь внѣшній порядокъ своего устроенія и жизненной постановки. Пастыри и іерархи русской церкви повели свое непрерывающееся преемство отъ пастырей константинопольскихъ, этихъ прямыхъ и такъ сказать законнѣйшихъ преемниковъ апостольскихъ, непосредственныхъ наслѣдниковъ обитавшаго въ апостолахъ Святаго Духа. Въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ столѣтій жизни русской церкви пастыри греческіе даже сами приходили къ намъ въ Россію и сами лично занимали высшія іерархическія мѣста въ нашей церкви. Самый первый русскій митрополитъ русской церкви, святый Михаилъ, отъ котораго и пошло все наше православно-русское священство, рукоположенный патріархомъ константинопольскимъ, сдѣлался, чрезъ посредство этого патріарха и его предшественниковъ, прямымъ преемникомъ и св. Іоанна Златоуста и св. Григорія Богослова и т. д., наконецъ — чрезъ посредство святого Стахія, рукоположеннаго апостоломъ Адреемъ Первозваннымъ—преемникомъ этого святого апостола! Такимъ образомъ церковь русская, хотя и не была непосредственно основана апостолами, такъ какъ во времена святыхъ апостоловъ и племени славянскаго еще совсѣмъ не существовало, во всякомъ случаѣ она по всей справедливости можетъ быть названа апостольскою, какъ прямой отпрыскъ церкви апостольской. По совершенно правдивому разсужденію нашего древне-русскаго богослова Стефана Яворскаго, истинною церковію Христовою и апостольскою можетъ быть названа и признана та, которая „непресѣчнымъ послѣдствіемъ другъ

другу пріимательно происходитъ отъ самого Христа и отъ апостоловъ" [1]).

Будучи, такимъ образомъ, преемственно апостольскаго происхожденія, а непосредственно наслѣдницею церкви Православно-византійской, церковь русская и пребывала сначала послушною ученицею, а потомъ всегда единомысленною союзницею послѣдней. По свидѣтельству исторіи, русская церковь всему и всяко поучалась и все воспринимала отъ прежнихъ источниковъ, носителей и свѣточей Православія. Особенно въ первые вѣка своего устроенія, она поддерживала непрерывное духовное единеніе и тѣснѣйшій нравственный союзъ съ церковію вселенскою, въ лицѣ не только константинопольскаго, а и всѣхъ православныхъ патріарховъ православнаго востока. Какъ покорная дочь, церковь русская жила общею духовною жизнью съ своею великою матерью. Прекрасно подтверждается эта связь духовная нашей церкви съ вселенскою множествомъ нашихъ древнихъ граматъ, которыми постоянно и поддерживались взаимныя отношенія церквей. „Церковь наша русская святыя Божія вселенскія соборныя, апостольскія церкви цареградскія благословенія требуетъ и ищетъ, и во всемъ по древнему благочестію повинуется",—такъ читаемъ мы въ одной древней граматѣ [2]). „Мы о всемъ хочемъ, по изначальству нашего Православнаго христіанства, посыланіе и совопрошеніе и любовь имѣти съ благочестивымъ царемъ

---

[1]) Камень вѣры, ч. I, стр. 74, изд. 2-е.

[2]) Акт. Арх. Ком. т. I, стр. 85.

и святѣйшаго ти (патріарха константинопольскаго) благословенія и молитвы требовати и желати хощемъ, а никакоже разлучно отъ васъ имать быти наше Православное христіанство до вѣка“ — такъ читаемъ мы въ другой граматѣ [1]). Во всѣхъ недоумѣніяхъ или затруднительныхъ случаяхъ, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ или предпріятіяхъ церковь русская обязательно обращалась къ церкви вселенской, свои распоряженія покрывала и освящала авторитетнымъ согласіемъ всѣхъ Православныхъ церквей. Такія, напримѣръ, важныя мѣры, какъ исправленіе книгъ церковныхъ при патріархахъ нашихъ Филаретѣ и Никонѣ, или какъ учрежденіе постояннаго собора—*сvнода* святѣйшаго, по темному неразумію нашихъ раскольниковъ разсматриваемыя какъ самовольныя и непозволительныя новшества въ церкви русской, однако предприняты были съ согласія и соизволенія всѣхъ православно-вселенскихъ патріарховъ. Словомъ, „великороссійская Православная церковь — скажемъ словами древняго нашего архипастыря Питирима — съ восточною церковію и съ православными четырьмя патріархи вселенскими пребываетъ въ соединеніи неотступно, якоже исперва, тако и доселѣ, пребываетъ въ единой Православной вѣрѣ, въ единыхъ таинствахъ, во единыхъ православныхъ догматахъ“ [2]). Или, какъ писалъ къ предстоятелямъ русской церкви о единеніи всѣхъ Православныхъ церквей Паисій, патріархъ константинопольскій: „Ни едино разнство имамы,

---

[1]) Ibid. стр. 75.

[2]) Пращица, л. 385.

яко чада истинныя единыя и тояжде матери восточныя, апостольскія, соборныя великія церкви Христовы, да ни едину вину обрѣтаютъ еретическая уста оглаголати насъ о нѣкоемъ разнствѣ, но да стоимъ во истинномъ согласіи тверди и непоступни“ [1]).

Восходя по происхожденію своему къ церкви апостольской, чрезъ посредство церкви константинопольской, русская церковь какъ восприняла, такъ всегда неуклонно и блюла и свято сохраняла чистѣйшее апостольское христіанство—въ своемъ ученіи, богослуженіи и управленіи. Вѣра апостольская передана была намъ въ вѣковѣчное наслѣдіе, какъ святое завѣщаніе отъ нашихъ незабвенныхъ просвѣтителей и апостоловъ славянскихъ, святыхъ Кирилла и Меѳодія. Изложивъ для насъ „Православное исповѣданіе“, они строго заповѣдали намъ хранить его въ неприкосновенной чистотѣ и цѣлостности: „въ сей вѣрѣ состоитъ спасеніе и упованіе, и сію передаемъ мы ученикамъ своимъ, да, тако вѣруя, спасутся. Въ страшный же день суда паки предадутъ намъ оную *истинну, неизмѣнну, совершенну*“ [2]). Съ благословенія и по завѣту этихъ величайшихъ въ исторіи славянской святыхъ благодѣтелей нашихъ, вѣра Православная, переходя изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія въ поколѣніе, можно сказать, ни на іоту не померкла въ своей чистотѣ, не пострадала въ своей полнотѣ, — такъ что всякій, исповѣдуемый въ настоящее время нами догматъ Православнаго

---

[1]) Увѣтъ духовный, л. 30.

[2]) Воскр. Чтеніе. Г. 4-й, стр. 412.

нашего вѣроученія, можно возвести и до святыхъ Кирилла и Меѳодія, и до вселенскихъ отцовъ и учителей церкви, до святыхъ апостоловъ, наконецъ и до самого Божественнаго Основателя Православнаго христіанства — Христа Спасителя.

Представители и охранители церкви Православной, русскіе іерархи, всегда обнаруживали ревностнѣйшую, непоколебимую стойкость въ началахъ Православія. Каждый изъ нихъ уже при вступленіи въ свое служеніе, предъ поставленіемъ въ святительскій санъ, давалъ торжественную въ томъ присягу. „Пріимаю, говорилъ напр. извѣстный пастырь древней Руси патріархъ Филаретъ Никитичъ, седьми вселенскихъ соборовъ изложеніе (т. е. вѣры), исповѣдую яже отъ нихъ установленные каноны и уставы любити и соблюдати.... И церковный миръ исповѣдаю соблюдати и ни единымъ же нравомъ противная мудрствовати во всемъ животѣ моемъ, во всемъ послѣдуя и повинуяся святымъ апостоламъ и седьми вселенскимъ соборамъ“ [1]). И дѣйствительно, во время управленія своего паствою православно-русскою, іерархи наши больше всего стояли всегда за Православіе, самыми строгими прещеніями охраняли неприкосновенность его на Руси святой. Напр. патріархъ Іоакимъ писалъ, что не только проповѣдывать, печатать, но даже и помыслить противное ученію Православной церкви—„странно и чуждо.... Вси тако мудрствуемъ: едину Православную вѣру со-

[1]) Собр. госуд. грам. Румянц. т. III, стр. 196. Почти въ такихъ же выраженіяхъ даютъ присягу и нынѣшніе архипастыри, пріемля благодать архіерейства.

держимъ, яже есть святыхъ апостолъ, яже есть святыхъ отецъ, яже есть всѣхъ православныхъ, яже вѣра вселенную укрѣпи. Елицы же тако не мудрствуютъ, прокляти да будутъ“ [1]). А умирая, пастыри наши, какъ важнѣйшую заслугу свою, исповѣдывали то, что во всю жизнь неуклонно соблюдали святую Православную вѣру; даже въ духовныхъ завѣщаніяхъ своихъ, такимъ образомъ какъ бы уже изъ-за гроба, и то часто во главѣ своихъ посмертныхъ распоряженій они завѣщали всѣмъ и впредь всегда хранить пуще всего святое Православіе. Напр. одинъ изъ великихъ нашихъ древнихъ іерарховъ, митрополитъ московскій Фотій, въ своемъ духовномъ завѣщаніи написалъ: „Первѣе убо исповѣдаю и васъ молю содержати богопреданную, апостольскую и отеческую вѣру—Православіе. Сію вѣру любезнѣ и изъ глубины сердца и многою вѣрою пріемлю и почитаю, такожде и васъ молю и наказую соблюдати цѣло и неподвижно“ [2]).

Не уступали пастырямъ церковнымъ въ ревности къ Православію и наши русскіе государи. Едва ли ни высшимъ долгомъ своего служенія и священнѣйшею обязанностію своего призванія почитали и они охрану истины Православной и защиту святой церкви Христовой. „Аще пойдеши, говорилъ напримѣръ великій князь Василій Васильевичъ митрополиту Исидору, отправлявшемуся на соборъ флорентійскій, то принеси къ намъ древнее наше благочестіе и Православную

---

[1]) Увѣтъ духовный л. 257, 271.

[2]) Никон. лѣт. часть 5, стр. 102.

вѣру, юже пріяхомъ отъ прародителя нашего великаго Владиміра и юже держитъ великая соборная и апостольская церковь греческая, а иностранно и ново и чуже отъ той соборныя церкви не приношай намъ" [1]). И когда этотъ Исидоръ на томъ флорентійскомъ соборѣ въ Православіи не устоялъ и вслѣдъ за греками принялъ унію съ латинами, то великій князь мужественно возсталъ на защиту русскаго Православія и, съ согласія православныхъ русскихъ іерарховъ, лишилъ предателя-митрополита каѳедры, даже изгналъ его изъ Россіи. Недаромъ издревле установился не только на Руси, а и во всемъ христіанскомъ мірѣ взглядъ на царей русскихъ, какъ на верховныхъ и самимъ Богомъ избранныхъ представителей Православнаго христіанства, надежнѣйшую опору и всегдашнюю защиту Православія и всѣхъ православныхъ христіанъ. Этотъ взглядъ, особенно послѣ паденія православнаго Константинополя, сталъ общимъ всѣхъ убѣжденіемъ и онъ постоянно повторялся, да и доселѣ повторяется во всѣхъ, касающихся религіи и церкви, заявленіяхъ, идущихъ изъ разныхъ мѣстъ, отъ разныхъ лицъ и народностей всего православнаго міра. Такъ напр. патріархъ константинопольскій, утверждая царское вѣнчаніе Іоанна Грознаго, въ присланной къ нему по этому поводу особой граматѣ, подписанной всѣми членами константинопольскаго собора, называлъ его „царемъ и государемъ православныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока до запада и до океана, надеждою

---

[1]) Акты Арх. Ком, I т. стр. 73.

и упованіемъ всѣхъ родовъ христіанскихъ". Извѣстный Мелетій Пигасъ, патріархъ александрійскій, писалъ также царю Өеодору Іоанновичу: „восточная церковь и четыре патріархаты православные не имѣютъ другаго покровителя, кромѣ твоей царственности. Ты для нихъ какъ бы второй великій Константинъ,... общій попечитель, покровитель и заступникъ церкви Христовой и уставовъ богоносныхъ отцовъ" [1]). „Кромѣ Бога, иного помощника, заступника и покровителя не имѣемъ: на тебя возлагаемъ все наше упованіе и надежду и къ тебѣ прибѣгаемъ", писалъ напр. къ царю Борису Годунову представитель Православной іерусалимской церкви патріархъ Софроній [2]). Благочестивый древнерусскій инокъ Филоөей (въ концѣ XV стол.) едва ли не лучше всѣхъ выразилъ въ своихъ особыхъ посланіяхъ къ великому князю этотъ общій въ христіанскомъ мірѣ взглядъ на царя русскаго, какъ верховнаго охранителя Православія и на всю Русь вообще, какъ на единственную для всего міра на всѣ будущія времена представительницу чистаго, незапятнаннаго христіанскаго правовѣрія. Называя православную Россію престоломъ святой вселенской и апостольской церкви, третьимъ Римомъ, преемницею великихъ древле-христіанскихъ державъ—римской и византійской, Евөимій пишетъ великому князю: „и да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства Православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство:

---

[1]) Малышевскаго: «Мелетій Пигасъ», т. II, № 11.

[2]) Муравьева: «Сношенія съ Востокомъ», I, 291.

единъ ты во всей поднебесней христіаномъ царь!.. Два Рима (т. е. Римъ и Константинополь) падоша, а третій (т. е. Россія) стоитъ, а четвертому не быти" [1]).

Больше всего и, дѣйствительно, съ поразительною силою воли и непоколебимою устойчивостію своихъ православныхъ убѣжденій князья и государи россійскіе отстаивали и обороняли вѣру Православную отъ происковъ и интригъ католичества. Эти происки и интриги занимаютъ въ исторіи русскаго Православія страницу очень видную, потому что съ упрямою настойчивостію они проходятъ чуть не чрезъ всю исторію, и — страницу, нужно добавить, славную, доблестную для Православія, потому что никогда эти происки не вѣнчались успѣхомъ, а всегда заканчивались торжествомъ Православія, неуязвимаго на святой Руси. Съ самаго начала исторической жизни русскаго народа католическій Римъ стремился увлечь въ свои сѣти нашу родину. Еще святого Владиміра, просвѣтителя Россіи, пытался, какъ извѣстно, прельстить католическій проповѣдникъ. Однако, не смотря на ту первую неудачу свою, римскіе папы и послѣ не оставили Россію въ покоѣ; всѣ усилія, всѣ позволительныя, а иногда даже и непозволительныя средства были предпринимаемы и допускаемы со стороны Рима, чтобы отклонить русскую церковь отъ Православія и подчинить католичеству. Можно сказать, не прошло ни одного столѣтія безъ того, чтобы католичество не дѣлало новыхъ и новыхъ попытокъ поработить себѣ Правосла-

---

[1]) Прав. Соб. 1863 г. кн. I.

віе. Но чѣмъ большими надеждами и ожиданіями сопровождались эти попытки, тѣмъ большимъ стыдомъ и разочарованіями они завершались.

А были, дѣйствительно, времена, когда обстоятельства, повидимому, благопріятствовали Риму. Такъ напр., въ самомъ началѣ XIII столѣтія, 1204 годъ былъ годомъ выдающагося торжества католичества и, казалось, неомрачаемыхъ успѣховъ его въ Европѣ: въ этомъ году „крестоносцы", шедшіе для освобожденія гроба Господня въ Палестину, прежде всего однако напали на православную Грецію и вмѣсто Іерусалима полонили и разграбили священную въ Европѣ колыбель Православія— Константинополь, поставили тамъ своего императора, а папа Иннокентій III уже поспѣшилъ на мѣсто изгнаннаго православнаго патріарха назначить на константинопольскую каѳедру своего, католическаго патріарха. Подобный же успѣхъ благопріятствовалъ папѣ и въ другихъ странахъ: незадолго предъ этимъ Иннокентій III лишилъ трона англійскаго короля Іоанна; къ тому же времени онъ отлучилъ отъ церкви за непослушаніе и потомъ заставилъ смиренно вымаливать себѣ прощеніе французскаго короля Филиппа-Августа. Можно ли еще было ожидать болѣе счастливаго момента попытать счастья и на Руси Православной? И вотъ отправляется въ этомъ 1204 году изъ Рима посольство къ знаменитѣйшему тогда изъ всѣхъ русскихъ князей Роману, князю галицкому, соединившему подъ своею воинственною рукою нѣсколько русскихъ удѣловъ. Но привыкшіе вездѣ къ покорству и подобострастію, послы папскіе подверглись великому сраму

отъ храбраго православнаго князя: на ихъ убѣжденія смѣнить заблуждающееся-де Православіе на правое католичество послѣдній рѣзко отвѣтилъ обличеніемъ ихъ же самихъ въ заблужденіяхъ; на ихъ попытки подѣйствовать на властолюбіе князя и на ихъ посулы ему воинской помощи отъ „меча апостола Петра“, князь отвѣтилъ правдивымъ только укоромъ, что у преемниковъ апостола Петра не можетъ и не должно быть меча, такъ какъ самъ Господь запретилъ Петру сражаться мечомъ. Мало того, возмущенный католиками за разграбленіе православнаго Константинополя и за эту дерзновенную попытку ихъ на Руси, Романъ въ слѣдующемъ же 1205 году напалъ на Польшу, какъ ближайшую къ себѣ и самую вѣрную слугу и союзницу Рима, опустошилъ ея города, желалъ истребить въ ней католичество. Къ сожалѣнію, только смерть Романа помѣшала этому доблестному охранителю Православія исполнить свое намѣреніе.

Но особенно усилились происки католичества на православной Руси въ XV и XVI столѣтіяхъ, когда папство порабощеніемъ православнаго востока разсчитывало вознаградить себя за потерю многихъ странъ, отторгнутыхъ лютеранствомъ, на западѣ. И дѣйствительно, въ юго-западной Руси, какъ разъ тогда отдѣлившейся отъ коренной Великороссіи и подпавшей вліянію и власти окатоличенныхъ Польши и Литвы, католичеству удалось, путемъ всяческихъ интригъ и насилій, ввести такъ называемую унію. Фанатики католичества, позорно-памятные въ исторіи ученики Игнатія Лойолы, съ возмущающимъ душу дерзновеніемъ

обозвавшіе свой преступно-безчеловѣчный орденъ святѣйшимъ именемъ Іисуса, наводнили теперь южную Русь и со свойственною имъ ревностію, хитростію и звѣрствомъ принялись окатоличивать православный народъ. И нѣтъ возможности измѣрить глубину горя, пучину бѣдствія, обрушившихся на южную Россію съ этимъ нашествіемъ католичества. Кровью и слезами обливалась эта святорусская завѣтно-православная кіевская сторона въ теченіе нѣскольких столѣтій. Какихъ злодѣйствъ, какихъ насилій не учинено было здѣсь надъ Православіемъ и его вѣрными исповѣдниками со стороны этихъ „миссіонеровъ каѳолическаго христіанства"! Іезуиты и многіе ихъ вѣрные ученики и прозелиты изъ уніатовъ составили себѣ громкую и ужасную извѣстность своимъ звѣрствомъ и безчеловѣчіемъ. Напр. паны: Янъ Сапѣга, Лисовскій, Наливайко и множество другихъ, а также уніаты: Терлецкій, Поцѣй, Кунцевичъ —эти іуды предатели Православія—предпринимали правильные „наѣзды" на православныхъ, раззоряли, убивали ихъ, чинили всякія, только измышляемыя ими, насилія надъ православнымъ народомъ. Вторгаясь въ православные храмы, они обдирали престолы, грабили утварь, оскверняли иконы, убивали и заточали священниковъ и т. д.,—и все это продѣлывали безнаказанно, все это ради высокой цѣли—ради истребленія якобы неистиннаго христіанства, Православнаго, и во имя христіанства якобы истиннаго, католическаго! Когда превозмогшій всякую выносливость и терпѣніе народное Кунцевичъ былъ въ Витебскѣ растерзанъ обезумѣвшею въ бѣдствіяхъ толпою народною, то іезуиты не постѣснились этого

злодѣя провозгласить „священномученикомъ“ и даже кощунственно объявили о нетлѣніи мощей его! Какъ Христосъ, „въ своя пришедшій“, стоялъ среди этихъ „своихъ“ на судѣ Пилата беззащитный, поруганный, такъ и Его святое Православное христіанство у себя, на Руси Православной, стало предметомъ жестокихъ издѣвательствъ, глумленія, позора. Подобно мучителямъ и распинателямъ Христа, въ дикомъ неистовствѣ взывавшимъ: „прорцы намъ, кто есть ударей Тя.... Аще Сынъ еси Божій, сниди нынѣ со креста“,—и теперь, напр. въ 1742 году, въ Дрогичинѣ, ученики іезуитской школы, отнявши у православныхъ хоругви и надругаясь надъ ними, выкрикивали: „чего ради, схизматическій Боже, не мстишь обиды своей?!“....

Впрочемъ, зачѣмъ растравлять уже старыя и отболѣвшія раны, уходить въ тягостныя и мучительныя воспоминанія этихъ воистину великихъ „просвѣтительныхъ“ подвиговъ католичества на Руси Православной!—зачѣмъ, когда, по милости Божіей, минуло безвозвратно это страшное испытаніе, когда и объ іезуитахъ и о самой уніи остались теперь въ Россіи только одни, хотя и удручающія, *воспоминанія*?! Какъ бы въ воздаяніе за выстраданное и претерпѣнное Православною Россіею въ минувшемъ, представители современной Россіи, при взглядѣ на это историческое прошлое, не могутъ не ощущать въ сердцахъ своихъ радостнѣйшаго сознанія, что даже и такіе ужасы, такія насилія не могли сломить и одолѣть Православія въ одной только части святой Руси!! Съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ народъ православный, какъ бы сознавая,

что съ своимъ святымъ Православіемъ онъ лишается всего дорогого, святого и необходимаго въ жизни и для жизни, возсталъ за правое дѣло, за чистоту своей отеческой вѣры, за святыню Православія. Вѣчно памятными должны остаться въ исторіи русскаго Православія священномученикъ Аѳанасій Брестскій, преподобный Іовъ Почаевскій, князь Константинъ Острожскій, Петръ Могила, Исаія Копинскій, Елисѣй Плетенецкій, Захарія Копыстенскій, Гедеонъ Четвертинскій и многое множество другихъ — эти доблестные представители и самоотверженные защитники Православія въ порабощенной Руси, своими неимовѣрными усиліями, а нѣкоторые даже и жизнію своею, отстаивавшіе и отстоявшіе святое Православіе въ югозападной половинѣ нашего отечества!

Что касается Руси сѣверовосточной, московской, то, не имѣя возможности тутъ дѣйствовать насиліемъ, какъ это было при введеніи уніи на югѣ, представители католическаго Рима многократно пытались дѣйствовать здѣсь лестію и хитростію, улавливая наиболѣе къ тому удобные историческіе моменты. Но, благодаря твердости православныхъ убѣжденій и мудрой проницательности русскихъ государей, русскихъ архипастырей, а также благодаря непоколебимой стойкости въ своемъ Православіи и всего народа русскаго, никогда не удавались поборникамъ католичества ихъ мирные происки здѣсь, на сѣверовостокѣ Россіи, какъ не удались имъ и открытыя насилія тамъ, на югозападѣ Россіи. Православная Русь свято исполнила свое историческое призваніе и предназначеніе: она неуклонно

и свято всегда хранила свое единое для всего міра истинное и единственно въ мірѣ спасающее Православіе. Она сохранила его напримѣръ тогда, когда святый благовѣрный князь Александръ Невскій отвѣчалъ къ вкрадчиво предлагавшимъ ему свои услуги и свое католичество папистамъ: „мы знаемъ истинное ученіе церкви, а вашего не пріемлемъ и знать не хочемъ". Она спасла свое Православіе, когда великій князь Василій Іоанновичъ рѣшительно отвергъ флорентійскую унію, вмѣстѣ съ столь хитро увлеченнымъ въ сѣти іезуитскія даже самимъ митрополитомъ московскимъ Исидоромъ. Россія спасла свое Православіе, когда великій князь Іоаннъ Васильевичъ, послѣ нѣкоторыхъ дипломатическихъ одолженій ему со стороны папы, отвѣчалъ на льстивыя рѣчи тотчасъ же при этомъ удобномъ случаѣ подосланнаго къ нему искуснѣйшаго іезуита Поссевина, что онъ отнюдь не намѣренъ измѣнять Православной вѣрѣ, въ которой родился, — когда на заманчивыя обѣщанія этого іезуита за перемѣну Православія на католичество возвратить Іоанну всѣ захваченныя поляками русскія земли, сдѣлать его царемъ даже Царь-града и т. д., царь отвѣчалъ, что онъ вѣруетъ не въ католичество и не въ грековъ, а только во Христа и что другихъ царствъ, кромѣ своего, никакихъ онъ не хочетъ,—когда на тонкіе намеки іезуита о главенствѣ папы, Іоаннъ съ обычною ему рѣзкостію повелъ „раздорныя" и далеко не безобидныя слова о папѣ, а въ концѣ концовъ потащилъ было за собою своего непрошеннаго просвѣтителя въ Успенскій соборъ, посмотрѣть на митропо-

личье богослуженіе — не соблазнится ли самъ этотъ проповѣдникъ католичества Православіемъ?!

Наконецъ, Россія спасла свое Православіе и въ страшнѣйшую годину открытаго насилія, когда уже и власть и сила и всѣ преимущества на Руси были захвачены врагами Православія, въ тотъ рѣшительнѣйшій и великій историческій моментъ, когда іезуиты накинули свою сѣтку на всю Русь Православную, когда готовились они задушить Православіе въ самомъ сердцѣ Россіи (въ началѣ XVII стол.). Уже на тронъ православно-русскій возведенъ былъ лжецарь, клевретъ іезуитовъ; уже ревностный защитникъ Православія патріархъ Гермогенъ былъ схваченъ и брошенъ въ тюрьму; уже латинская месса торжественно зазвучала въ православномъ московскомъ кремлѣ.... Ужасное время это недаромъ слыветъ въ памяти народной подъ именемъ „лихолѣтья". Дѣйствительно, то была едва ли не самая лихая невзгода изъ всѣхъ, пережитыхъ Русью Православною. „Бысть тогда, говорится въ современномъ хронографѣ, великое уныніе по всей земли русской, понеже велицей злобѣ христіанскому народу належащи прещенія ради невѣрныхъ" [1]). Описывая безпощадный раззоръ православнаго русскаго населенія отъ нашествія иновѣрцевъ, извѣстный Авраамій Палицынъ говоритъ: „примѣнишася тогда жилища человѣческая на звѣрская... Медвѣди, волки, лисицы и зайцы приходили на мѣста человѣческихъ селеній... И крыяхуся тогда человѣци въ дебри непроходимыя, въ

---

[1]) Изборн. Попова, стр. 202.

чащи темныхъ лѣсовъ и въ пещеры недовѣдомыя"; но и туда, по словамъ Палицына, враги отправлялись „на охоту" за православнымъ людомъ при помощи дрессированныхъ собакъ [1]). Жители смоленской области, видя крайнюю гибель себѣ и вѣрѣ своей, отправили въ Москву большое посланіе, въ которомъ изобразили потрясающую картину глумленія католиковъ надъ Православіемъ: „смертная наша погибель, какъ принесли мы литовскимъ людемъ свои головы и животы для избавленія душъ своихъ, чтобы не отбыть Православнаго крестьянства въ латынство; и мы всѣ изо всѣхъ городовъ и уѣздовъ безъ остатка погибли, ни малыя милости и пощаженія не нашли. Не поругана ли наша крестьянская вѣра и не разорены ли Божіи церкви? Не сокрушены ли и поруганы злымъ поруганіемъ и укоризною божественныя иконы Божіи и Божіи образы?.... Ни единъ человѣкъ отъ всѣхъ литовскихъ людей надъ православными крестьяны и беззлобивыми младенцы не смилуется, вси порабощены смертною работою и въ латынство", и т. д. [2]).

Но не погибла Православная вѣра на Руси святой и въ это страшнѣйшее лихолѣтье. На этой послѣдней ступени возобладанія надъ Православіемъ всякой силы земной, само оно одушевило сердца народа русскаго, подняло всю землю святорусскую и спасло Россію Православную. Въ ту пору, когда католики уже готовы были торжествовать полную побѣду надъ право-

---

[1]) Авр. Палицынъ, стр. 48, 49, 52, 53.

[2]) Собр. государств. граматъ, т. 2, № 226.

славными, когда напр. поляки, опьяненные успѣхами на Руси, въ коллективномъ заявленіи своему королю писали: „слава нашего народа громко, какъ бы съ горы, провозглашена всему свѣту, пріобрѣла въ мірѣ безсмертіе, предѣлы ея извѣстности упираются въ ледовитыя моря“ [1]),—въ эту пору униженная, раззоренная и поруганная крѣпь православнаго русскаго населенія ополчалась духовною силою, которая не замедлила проявиться и наружу. Явная гибель того, что для русскаго человѣка дороже всего въ мірѣ — вѣры Православной, подняла, какъ одного человѣка, всю крестьянскую Русь на единодушную, всенародную, самоотверженную защиту. Вологодскіе напр. крестьяне посылаютъ къ тотемскимъ: „и вы-бъ, государи, попомнили Бога и Пречистую Богородицу, вѣру крещеную не нарушили, и постояли бы съ нами вмѣстѣ и ожить и умереть за одинъ другъ за друга“ [2]). Устюжскіе крестьяне пишутъ къ вычегодскимъ: „и вамъ бы, господа, ратныхъ людей собравъ, тотчасъ, такъ же какъ въ иныхъ городахъ радѣютъ и людей собираютъ, отпустити“ [3])....
Смоленскіе крестьяне пишутъ о томъ же къ московскимъ и добавляютъ: „пошлите въ Новгородъ и на Вологду и въ Нижній нашу граматку, списавъ, и свой совѣтъ къ нимъ отпишите, чтобы всѣмъ было вѣдомо, всею землею обще стати за Православную крестьянскую вѣру“ [4]), и т. д. Изъ конца въ конецъ по Руси

[1]) Рус. Историч. библ. т. I, стр. 146.

[2]) Акт. Арх. Эксп. т. 2, № 91, II.

[3]) Ibid. № 91, I.

[4]) Акт. Арх. Эксп. т. 2, № 176, II.

святой безъ почтъ и телеграфовъ полетѣли эти и подобныя имъ „граматки“; безъ паровозовъ, пароходовъ, а гдѣ и совсѣмъ безъ дорогъ побѣжали по необъятнымъ пространствамъ русскимъ гонцы народные; безъ наказовъ и приказовъ собирались въ разныхъ мѣстахъ люди выборные; въ церквахъ, на площадяхъ городскихъ, у избъ земскихъ читались граматы, передавались извѣстія, быстро міромъ-народомъ принимались рѣшенія; отовсюду потянулись къ сердцу Россіи—къ Москвѣ добровольцы православные, люди ратные. Словомъ, совершился безпримѣрный, невѣроятный подъемъ православнаго русскаго духа; такъ что не одни только эти герои духа и силы русской — Гермогенъ, Скопинъ-Шуйскій, Ляпуновъ, Пожарскій и др., и не одни только эти выдвинувшіеся центры національной стойкости, какъ напр. Троицкая лавра, Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, Нижній-Новгородъ и др., — не отдѣльныя лица и мѣстности, а весь народъ православно-русскій и вся Русь святая возстали и ополчились за свое Православіе. И святое дѣло увѣнчалось святымъ результатомъ; безпримѣрное одушевленіе всенародное совершило, казалось, невѣроятное уже дѣло, вырвало, повидимому, уже проигранную побѣду. Богу содѣйствующу, Россія геройски стряхнула совсѣмъ было уже охватившее ее, ужаснѣйшее по своимъ послѣдствіямъ *иго*, грозившее гибелью прежде всего русскому Православію, а съ нимъ вмѣстѣ — гибелью и русской государственности и самой русской народности.

Обороняя неприкосновенность Православія отъ католическихъ притязаній въ жизни, Русь святая, въ лицѣ лучшихъ и умнѣйшихъ своихъ представителей, ревностно и успѣшно отстаивала его безусловное превосходство и правоту предъ католичествомъ и на полѣ духовной борьбы, книжнымъ путемъ. Изъ обширной богословско-полемической литературы русской противъ католичества благодарною памятью, при этомъ удобномъ случаѣ, вспомнимъ напр. слѣдующіе труды древнихъ нашихъ пастырей: „Объ опрѣснокахъ“ окружное посланіе митрополита Леонтія († 1008 г.), „Стязанье съ латиною“ митрополита Георгія († 1073 г.), Посланіе къ папѣ Клименту III митрополита Іоанна II († 1189 г.), нѣсколько сочиненій противъ латинства Максима Грека († 1556 г.), „Акосъ“, „Діалоги грека учителя къ нѣкоему іезуиту“ братьевъ Лихудовъ, „Остенъ“ Евѳимія (въ XVII стол.). Уже изъ этого неполнаго перечня однихъ только древнихъ полемическихъ сочиненій противъ католичества можно видѣть, что русская церковь, съ самаго начала, по крайней мѣрѣ съ первыхъ же годовъ возникновенія самостоятельной литературной дѣятельности на Руси, сознательно и съ полною честію держала знамя Православія въ отношеніи къ неправославію, къ католичеству. Нужно ли добавлять, что эта литературная оборона Православія и борьба противъ католичества продолжается на Руси и доселѣ, хотя теперь, съ явнымъ ослабленіемъ католичества и прогрессивно усиливающимся саморазложеніемъ его, борьба эта является не столь насущно необходимою и далеко не столь труд-

ною, какъ было во времена давно минувшія, когда могущественному и образованному католическому западу противостояла юная Русь, сильная единственно только своимъ святымъ Православіемъ, но еще не окрѣпшая, слабая, терзаемая всякими невзгодами и бѣдная силами не только физическими, а и духовными.

Католичество, какъ самое первое и крупное отпаденіе отъ вселенской Православной истины, естественно составило собою самый, такъ сказать, капитальный противовѣсъ Православному христіанству и, поддерживаемое политическою силою исповѣдующихъ его народностей, причинило самыя сильныя испытанія русскому Православію. Но однако кознями одного только католичества еще далеко не исчерпывается вражда міра сего истинѣ Православія. Попытки извратить послѣднее, такъ или иначе поколебать, подорвать его, исходили нерѣдко и изъ иныхъ источниковъ, съ другихъ сторонъ. Но всѣ эти попытки, никогда не усиливаясь до открытаго возобладанія надъ Православіемъ, представляли изъ себя только или книжные нападки, которые Православная Русь всегда успѣшно отражала съ честью для Православія и къ позору нападающихъ, или же, чаще, проявлялись какъ политическія интриги, временныя и мимолетныя злодѣянія, подпольная агитація — еще менѣе опасныя для Православной Россіи и для русскаго Православія. Такъ напр. стоитъ упомянуть, что проникшіе уже въ древнюю Русь представители еврейства, еще въ XV столѣтіи, пользуясь умственною темнотою простонародья русскаго, про-

извели небезуспѣшную попытку агитаціи на Руси въ пользу еврейства и возмутили миръ русскаго Православія, подготовивъ довольно памятную въ исторіи церкви русской ересь жидовствующихъ. Но встрѣченная энергичнымъ противодѣйствіемъ одного изъ знаменитѣйшихъ древне-россійскихъ пастырей, св. Геннадія архіеп. новгородскаго, и послѣдовательно изобличенная на двухъ московскихъ соборахъ (1490 и 1504 гг.), ересь эта вызвала лишь тѣ положительные результаты, что возбудила духъ богословскаго изслѣдованія въ сферѣ православнаго вѣроученія, способствовала подъему просвѣтительной дѣятельности на Руси и, наконецъ, вызвала появленіе „Просвѣтителя“ преподобнаго Іосифа Волоцкаго, этого величайшаго и полезнѣйшаго въ свое время созданія русской православно-богословской мысли.

Далѣе, протестантство, какъ самый могущественный и сильный отпрыскъ католичества, отнявшее у него даже бо́льшую половину исповѣдниковъ, имѣетъ также свои, хотя и несложные, счоты съ Православіемъ русскимъ. Правда, какъ вѣроисповѣданіе въ основныхъ принципахъ своихъ наиболѣе либеральное, оно никогда не переходило въ наступательное положеніе въ отношеніи къ Православію; но уже вслѣдствіе близкаго сосѣдства и историческихъ столкновеній представителей его съ Россіею, оно не могло такъ или иначе не отозваться и у насъ. И были моменты историческіе, когда протестантство обращало на себя невольное вниманіе всей православной Руси, причиняло послѣдней много и нелегкихъ огорченій. Уже въ древ-

ней Руси появленіе ересей Бакшина и Косого было прямымъ отраженіемъ реформатскихъ идей, проникавшихъ къ намъ съ протестантскаго запада. Гораздо сильнѣе протестантское вліяніе на Руси обнаружилось въ царствованіе Петра Великаго — съ мирнымъ нашествіемъ нѣмцевъ на русскую землю, и особенно больно отозвалось на Руси Православной это нашествіе протестантовъ при Аннѣ Іоанновнѣ въ печально-памятные годы бироновщины. Но результатомъ этихъ столкновеній съ протестантствомъ, какъ достойные трофеи Православія, останутся навсегда въ исторіи церкви русской такія капитальныя созданія православно-полемической литературы, какъ „Истины показаніе" инока Зиновія († 1568 г.), „Мечецъ духовный" братьевъ Лихудовъ и „Камень вѣры" Стефана Яворскаго. Вліяніе протестантскихъ народовъ конечно и доселѣ еще сильно сказывается въ русской жизни, но оно теперь уже мало касается сферы религіозной, по той простой причинѣ, что религіею-то менѣе всего одушевлено и занято само протестантское общество. Если же обнаруживаетъ послѣднее какое либо воздѣйствіе на православныя убѣжденія русскаго народа, то развѣ только косвеннымъ путемъ: это то, дѣйствительно, слишкомъ очевидное, весьма сильное и крайне вредное, разрушительное вліяніе, которое и у насъ на Руси питаетъ и поддерживаетъ полосу скептическаго направленія въ мышленіи, раціоналистическаго настроенія въ вѣрованіи, протестующаго поведенія въ жизни.

Но прежде чѣмъ сказать что либо объ этой протестующей полосѣ въ православно-русской жизни и

убѣжденіяхъ, столь дѣятельно заявляющей о себѣ въ новое время, нельзя не упомянуть о старинномъ, діаметрально ей противоположномъ, но и доселѣ еще наряду съ нею уживающемся теченіи въ русской жизни— о русскомъ расколѣ, старообрядчествѣ. Сомнѣній нѣтъ, что расколъ причинилъ и доселѣ причиняетъ много зла русской церкви, загубилъ и теперь еще губитъ многія тысячи христіанскихъ душъ. Но, съ другой стороны, есть въ расколѣ русскомъ и другая сторона, есть въ немъ и положительная, въ значительной мѣрѣ его извиняющая и отчасти съ нимъ примиряющая черта: какихъ бы несмѣтныхъ дробленій и нелѣпѣйшихъ крайностей и проявленій не представлялъ расколъ въ историческомъ своемъ существованіи, во всякомъ случаѣ возникъ онъ изъ очень почтеннаго въ принципѣ своемъ стремленія спасти отцепреданное Православіе, отстоять его въ неприкосновенной цѣлости, сохранить его въ завѣтной святой старинѣ. Такимъ образомъ, расколъ въ русской церкви появился не какъ врагъ и противникъ Православнаго нашего исповѣданія, а какъ неразумное только представительство Православія, слѣпая, но энергичная оборона его и защита. Только умственная темнота, только неумѣнье отличить существенное отъ случайнаго, важное отъ ничтожнаго, правильное отъ явно ошибочнаго, заставили раскольниковъ нашихъ въ нѣкоторыхъ обрядовыхъ мелочахъ, церковно-бытовыхъ подробностяхъ да въ простыхъ опискахъ малограмотныхъ нашихъ древнерусскихъ книгописцевъ усматривать неотмѣнную святую истину, въ каждой „чертѣ и кавыкѣ“ старинныхъ

книгъ—неприкосновенные догматы. Богатѣйшая православно-богословская противораскольническая литература наша, начиная съ „Жезла правленія“ Симеона Полоцкаго, „Увѣта духовнаго“ патріарха Іоакима, „Пращицы“ епископа нижегородскаго Питирима, „Зеркала очевиднаго“ Посошкова, „Розыска“ святителя Димитрія Ростовскаго и т. д., — литература эта навсегда останется величественнымъ памятникомъ доблестныхъ усилій просвѣщенной и зрѣлой мысли православной къ обращенію заблуждающихся въ своей благочестивой, но темной ревности, къ спасенію погибающихъ родныхъ намъ душъ, которыя оживляетъ и согрѣваетъ вѣра неразумная, слѣпая.

Если литература наша противораскольническая и вся дѣятельность церкви русской по отношенію къ расколу доселѣ не достигли желанныхъ результатовъ, не уничтожили раскола, то вина этого все въ томъ же невѣжествѣ, которое пока еще властно царитъ въ средѣ нашего простонародья и которое, будучи поддерживаемо столь естественнымъ во всякомъ протестѣ и спорѣ упрямствомъ, препятствуетъ раскольникамъ войти въ смыслъ предлагаемыхъ имъ разъясненій, убѣжденій, увѣщаній. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, расколъ есть, хотя и крайне прискорбное, но только внѣшнее, случайное и временное явленіе въ исторіи русской церкви, ни на іоту не унижающее ея величія и не омрачающее чистой святыни ея Православія. Вѣрнѣйшее и надежнѣйшее средство противъ раскола — просвѣщеніе, распространеніе книжнаго знанія—уже направлено въ его среду, и безъ сомнѣнія теперь совершаетъ

свое, хотя и очень медленное, но зато безошибочно вѣрное дѣло, подготовляетъ, можетъ быть, и очень еще отдаленную, но полную побѣду. Безъ сомнѣнія настанетъ это время, составляющее давній предметъ завѣтныхъ чаяній всѣхъ истинныхъ сыновъ церкви Православно-русской, когда свѣтъ знанія и историческаго вѣдѣнія, уже почти всюду теперь на Руси возженный въ скромномъ свѣтильникѣ церковно-приходскихъ школъ, освѣтитъ наконецъ всю массу крестьянства русскаго.... Тогда сама собою рушится почва, на которой держится теперь на Руси темный расколъ, и разсѣется атмосфера, все еще теперь питающая его; и останется въ исторіи Православной церкви русской только память о расколѣ — какъ ещѐ новое историческое доказательство самоотверженной преданности русскаго человѣка къ своему Православію, ревнивѣйшей опасливости за его чистоту, цѣльность и неприкосновенность.

Гораздо болѣе зловредное и болѣе тяжкое преступленіе противъ Православія, къ истинному стыду Руси святой, являютъ собою наши раскольники и отщепенцы отъ церкви — совсѣмъ иного сорта, совсѣмъ противоположной крайности. Это — наши культурные невѣры, многоученые или недоученые сыны самоновѣйшаго прогресса, ядовитый пустоцвѣтъ цивилизаціи „по разуму міра сего“,—всѣ отрицатели, извратители и самозванные реформаторы Православія, объюродѣвшіе въ гордости своей усовершители ученія Христова и жалкіе авторы болѣе или менѣе нелѣпыхъ, болѣе или менѣе кощунственныхъ опытовъ передѣлки христіанства Хри-

стова въ христіанство собственнаго издѣлія. Такой расколъ отнюдь не вытекалъ изъ коренныхъ свойствъ и основъ русской жизни, изъ родовыхъ чертъ національнаго русскаго характера; онъ есть вполнѣ и всецѣло порожденіе чуждое, зло заносное, язва привитая. Съ великою грустію и истинною болью сердечною приходится сознаться, что язва эта давно уже заразила собою Русь святую и доселѣ безпощадно губитъ, можетъ быть, даже лучшія, по крайней мѣрѣ дорого стоющія, на трудовые гроши народа русскаго выхоженныя и выхоленныя силы нашего отечества, иногда похищаетъ счастливѣйшія порожденія національнаго духа, русскаго таланта.... Вѣроятно по неизбѣжному для всѣхъ сыновъ Адама закону, Россія вкусила этого *зла* вмѣстѣ съ *добромъ* отъ *древа познанія* западной цивилизаціи, съ самаго начала сближенія своего съ западомъ.

Уже въ старинныхъ ересяхъ нашихъ — стригольниковъ, жидовствующихъ, Бакшина—обнаружился раціоналистическій элементъ, столь неожиданный особенно въ древней Руси и, какъ уже это выяснено, тогда случайно проникавшій къ намъ именно съ запада. Но подобныя случайныя явленія приняли потомъ и у насъ на Руси характеръ постояннаго, сильнаго и почти уже непрерывающагося движенія, когда, съ одной стороны, тамъ, на западѣ, протестантство въ религіи и отрицательная философія XVIII вѣка въ наукѣ сдѣлали протестъ и отрицаніе лозунгомъ западно-европейской мысли и жизни, а съ другой стороны, когда Россія сама приняла на себя роль слѣпой ученицы запада,

добровольно и съ неразумнымъ увлеченіемъ отдалась опекѣ западно-европейской культуры. И вотъ, наряду съ истиннымъ прогрессомъ и серьезнымъ просвѣщеніемъ, широкою волною хлынула съ запада на Русь святую и вся изгорь прогресса, всѣ болѣе или менѣе безразсудныя, но для новоучекъ особенно заманчивыя теоріи и ученія. И потянулись непрерывною нитью у насъ на святорусской землѣ эти для своихъ дней модныя новинки западно-европейскаго прогресса—волтерьянство, масонство, мартинизмъ, нигилизмъ, атеизмъ, соціализмъ, мистицизмъ, спиритизмъ и т. д. и т. д. Расплодились и у насъ самозванные учители и лжепророки, упражняющіеся въ жалкой работѣ сочиненія себѣ новой вѣры, отвращающіеся отъ свѣта Богооткровенной истины Православія къ тьмѣ своихъ гаданій, усиливающіеся замѣнить Солнце правды—Христа тусклымъ коптильникомъ собственнаго разума, предлагающіе свои вздорныя мечты на мѣсто непреложной истины Евангелія. Нужно ли, напримѣръ, называть очень популярное имя самоновѣйшаго русскаго лжеапостола, который только на старости лѣтъ впервые встрѣтился съ Евангеліемъ и, будучи пораженъ его небесною высотою, съ увлеченіемъ началъ „открывать" въ немъ уже почти девятнадцать вѣковъ тому назадъ открытыя міру истины? Усмотрѣвъ естественное и всегда конечно неизбѣжное несоотвѣтствіе евангельскихъ идеаловъ, какъ только высочайшихъ образцовъ совершенства, съ дѣйствительною жизнію и вмѣнивъ эту разницу въ вину церкви Православной, онъ безъ удержу началъ крошить православную догматику и ѳеику,

самъ при этомъ безконечно путаясь, себѣ постоянно противорѣча, сегодня отрицая то, что еще вчера только утверждалъ и т. д.—пока, наконецъ, окончательно не извратилъ Богооткровеннаго ученія, взамѣнъ его предлагая плодъ своего собственнаго фантазерства—„мою вѣру", въ которой и узнать-то христіанства уже не возможно....

И однако подобные изобрѣтатели новаго христіанства имѣютъ успѣхъ, входятъ въ моду, особенно въ полуобразованныхъ кружкахъ, въ средѣ умственныхъ недорослей, которые обычно считаютъ себя всезнающими, хотя ничего не знаютъ основательно, которые никогда не интересовались тѣмъ, что касается высшаго назначенія человѣка и безсмертной его жизни, никогда не болѣли желаніемъ истины въ важнѣйшихъ предметахъ вѣры и знанія, которые только развѣ знакомились — и то болѣе изъ празднаго любопытства— съ одними нападками на христіанство, интересовались развѣ только всякими запретными и подпольными брошюрками, безусловно всегда противными духу православнаго благочестія. Впрочемъ, такими учениками и такимъ успѣхомъ едва ли можно и стоитъ кому бы то ни было хвалиться: подобнымъ людямъ, на лету ловящимъ всякую выходку противъ христіанства, безъ сомнѣнія всегда очень пріятно не вѣрить, сомнѣваться, отрицать, потому что въ этомъ они могутъ находить хоть какое нибудь успокоеніе своей не особенно чуткой и глубокой совѣсти, хоть какое нибудь оправданіе и своей несогласной съ правилами христіанства жизни.... Съ жгучею болью сердечною приходится однако со-

знаться, что имя такимъ душевнымъ недорослямъ на Руси—легіонъ.

Но вѣдь не въ нихъ же сила и устойчивость Руси святой, не въ нихъ духъ и опора церкви Православной! За легіонами этой тли народной стоятъ цѣлыя тьмы людей, зрѣлою мыслію и сознательною вѣрою вседушевно преданныхъ Православію, и—цѣлыя тьмы тѣмъ людей, никакими силами не отторжимыхъ отъ Православія, честныхъ его исповѣдниковъ, беззавѣтно преданныхъ ему всѣмъ безхитростнымъ своимъ умомъ и всею голубиною простотою цѣльныхъ своихъ сердецъ. Злонамѣренные или только самообольщенно увлекающіеся исказители Православія на Руси святой, безспорно, уязвляютъ православный духъ этой массы народной, но они никогда не измѣнятъ его и не сгубятъ его. Благодареніе Богу, простой народъ русскій (за который по неразвитости его единственно еще можно бы было нѣсколько опасаться) представляетъ, какъ это уже практика доказала, слишкомъ устойчивую и непоколебимую среду, слишкомъ неблагопріятную почву для воздѣйствія всякихъ вообще непризванныхъ и непризнанныхъ благодѣтелей, съ „просвѣтительными и гуманными“ цѣлями предпринимающихъ „хожденія въ народъ“. Народъ нашъ, твердостію своихъ религіозныхъ убѣжденій рѣшительно возвышающійся надъ полуобразованными и флюгерствующими въ религіи поклонниками нашихъ отрицателей, исправителей и реформаторовъ христіанства, никогда не пойметъ послѣднихъ и скорѣе по убѣжденію своего брата-мужика возстанетъ за какую нибудь сугубую аллилуію, чѣмъ пріоб-

щится ихъ фантазіямъ и пойдетъ за ними. Онъ не даромъ—конечно того и несознавая, а только сердцемъ и инстинктивно угадывая правду—онъ уже съ давнимъ предубѣжденіемъ относится къ подобнымъ просвѣтителямъ и благодѣтелямъ, онъ уже порвалъ съ ними всякую родственную связь, онъ привыкъ видѣть въ нихъ только какихъ-то незаконныхъ чадъ своей отчизны, выродившихся изъ русской семьи чужеземцевъ.

Если не слухомъ воспріялъ и не памятью хранитъ, то во всякомъ случаѣ сердцемъ знаетъ и всею жизнію своею осуществляетъ народъ русскій эти поучительные апостольскіе завѣты: „вы же, возлюбленные, помните глаголы *преждереченные* вамъ отъ апостолъ Господа нашего Іисуса Христа“ (Іуд. I, 17); вы даже ангелу небесному не вѣруйте, „если будетъ возвѣщать вамъ иначе, нежели возвѣщено“ (Гал. I, 8).... И знаемъ мы, какъ народъ русскій всегда самоотверженно стоялъ за преждереченное и отъ вѣка ввѣренное ему святое Православіе! „Помните, возлюбленные, что появятся ругатели, поступающіе по своимъ нечестивымъ похотямъ, люди, отдѣляющіе себя (отъ единства вѣры), душевные, но не имѣющіе духа“ (Іуд. I, 17—19). И народъ русскій, какъ бы памятуя это апостольское предостереженіе, всегда такъ особенно боится этихъ ругателей отеческихъ завѣтовъ и преданій; онъ съ такимъ предубѣжденіемъ относится вообще ко всѣмъ этимъ самозваннымъ радѣтелямъ, которые выступаютъ предъ нимъ часто во одеждахъ овчихъ, съ совѣтами и ученіями „прегордыми *пользы ради*“ (ст. 16)! „Вы же, возлюбленніи, продолжаетъ святый апостолъ, назидая

себя святѣйшею вѣрою вашею, моляся Духомъ Святымъ, сохраняйте себя въ любви Божіей" (ст. 21). И кто не знаетъ, какъ всегда любилъ и любитъ народъ русскій назидать себя святою вѣрою своею, какъ горячо и сердечно способенъ онъ молиться, какъ ревниво всегда хранитъ себя онъ въ любви Божіей!...

Уже одно это многовѣковое прошлое, чѣмъ заявилъ себя народъ русскій въ теченіе всей своей исторической жизни, служитъ достаточною порукою, что и впредь русскій человѣкъ всегда пребудетъ вѣренъ своему Православію, всегда будетъ неуклонно хранить уставы святой своей церкви, всегда съ горячей вѣрою и сердечной отрадою будетъ молиться въ тѣхъ храмахъ, на томъ языкѣ, предъ тѣми святыми иконами и тѣми благоговѣйными молитвами, какъ искони молились его дѣды и отцы. И никогда не увлекутъ его новомодные учители въ свои храмы, которыхъ впрочемъ у нихъ и нѣтъ; не вручатъ ему новыхъ какихъ либо иконъ, въ которыя впрочемъ сами они не вѣруютъ; не внушатъ ему новыхъ молитвъ, которыхъ впрочемъ они сами не знаютъ.

Въ святомъ чувствѣ любви и преданности къ своей вѣрѣ Православной и есть самая крѣпкая сила и истинное величіе народа русскаго, народа набожнаго, народа благочестиваго, народа патріотическаго, какъ ни одна нація въ мірѣ. Исходящее и питаемое свыше въ таинственныхъ священнодѣйствіяхъ церкви Православной, такое настроеніе Руси святой въ общемъ такъ непоколебимо и мощно, что предъ нимъ безсильны всякія враждебныя ему, модныя въ полуобразованныхъ

кружкахъ доктрины, временныя, исчужа заносимыя къ намъ вѣянія. Послѣднія могутъ волновать только поверхность народной души, только внѣшность русской жизни, а внутренняя глубина души народной, основная крѣпь Руси святой, переполненная святымъ чувствомъ вѣры, всегда найдетъ въ себѣ силу и волю неуклонно совершать историческое свое и провиденціальное назначеніе: хранить для всего міра святѣйшее, истинное Православное христіанство и благодатію его благотворно воздѣйствовать на всѣ народы и на всю землю. Гдѣ многіе милліоны сердцемъ и душою преданы своей святой вѣрѣ, тамъ, безъ сомнѣнія, напрасны и немощны усилія отдѣльныхъ лицъ, по наущенію извнѣ или по собственному безумію, кощунственно возстающихъ на вѣру. Они могутъ причинять, какъ дѣйствительно иногда и причиняли Россіи, только временныя испытанія, только преходящія несчастія, но отнюдь не поколеблютъ порядка, изначала установленнаго и охраняемаго самимъ Провидѣніемъ Божественнымъ, и такъ искренно воспринятаго, столь глубоко усвоеннаго массовою сознательною личностію всего народа русскаго.

Вѣруя въ цѣльный, единый и великій народъ русскій и его историческое призваніе, хотѣлось бы также вѣрить въ торжество здраваго смысла, въ торжество добросовѣстности, честности и въ средѣ всѣхъ выродковъ русскихъ, рѣшающихся критически, свысока относиться къ Богооткровенному ученію Православія, дерзновенно поднимающихъ на него святотатственную свою руку, его унижающихъ, позорящихъ, по своему рефор-

мирующихъ, или по крайней мѣрѣ злорадно встрѣчающихъ всякія выходки противъ него, такъ легко и охотно увеличивающихъ собою станъ враговъ, ненавистниковъ, нарушителей Православія, — словомъ, хотѣлось бы вѣрить въ честность и всѣхъ, обильно собою обременяющихъ русскую землю, хотя и безусловно чуждыхъ ей, предреченныхъ „ругателей истины“, дѣломъ или словомъ, жизнію или ученіемъ своимъ вносящихъ „мерзость запустѣнія въ мѣсто святое“. Хотѣлось бы вѣрить, что смирятся они предъ истиною, остановятся предъ очевидностію и, вмѣсто злоумышленія или упорства, самообольщенія или недоброжелательства, вмѣсто наконецъ просто безучастія или высокомѣрнаго равнодушія къ вѣрѣ Православной, перестанутъ мудрствовать лукаво, насиловать свою духовную природу и вѣковѣчную міровую правду, и постепенно войдутъ въ столь близкую человѣку и такъ обаятельную для него радость искренно и глубоко вѣрующихъ, мало по малу склонятся предъ святынею Православія, какъ все благомыслящее склонялось предъ нею всегда прежде.

Должны же ратующіе на Православное христіанство согласиться съ знаменательнымъ историческимъ фактомъ, что, не смотря на чрезвычайныя невзгоды, всѣ возможныя противодѣйствія, всякія физическія и духовныя гоненія и насилія, истина Православія неуязвимо выдержала, такъ сказать, критику и испытаніе цѣлыхъ девятнадцати столѣтій! Не служитъ ли уже это одно ручательствомъ того, что истина эта непреложна, неизмѣнна, вѣчна, что не подлежитъ она суду

и воздѣйствію человѣка, что слѣдовательно и въ будущемъ она имѣетъ не пасть и погибнуть, а наоборотъ, съ постепеннымъ просвѣтленіемъ души человѣческой, съ подъемомъ идеализма и духовности въ жизни, имѣетъ только укрѣпляться въ сознаніи человѣческомъ, дѣлаться все больше и больше убѣжденіемъ всеобщимъ. И могутъ ли идти хоть въ какое нибудь сопоставленіе съ этой непреложною, неизмѣнною, вѣковѣчною истиною всѣ человѣческія—для своихъ дней всегда многимъ казалось — столь мудрыя, столь великія откровенія, такія — многимъ думалось — превосходныя и совершеннѣйшія доктрины, какъ всѣ эти волтерьянства, масонства, нигилизмы, соціализмы и пр. и пр.? Куда они вели и къ чему сами приходили? Удѣлъ ихъ всѣхъ одинъ, участь самая безславная: всѣ они, какъ случайно, невзначай появлялись, такъ же быстро и мимолетно пропадали, исчезали безъ слѣда и безъ остатка — именно какъ туманъ отъ свѣта истины Христовой, падали сами собою, даже часто безъ всякой полемики—просто съ паденіемъ моды на нихъ, когда начиналъ дуть иной вѣтеръ съ запада....

Должны же всѣ сомнѣвающіеся въ святынѣ и истинности Православнаго христіанства согласиться, что оно *утвердило* свое Божественное достоинство безчисленными знаменіями, чудесами и благотворнѣйшимъ воздѣйствіемъ на душевный строй, нравственный характеръ, на жизнь общественную и частную всѣхъ, искренно и сердцемъ воспріявшихъ это ученіе, — что оно воспитало цѣлые лики невѣроятныхъ для земли подвижниковъ, страстотерпцевъ, святыхъ людей,—что

оно направляетъ цѣлые племена и народы на путь дѣятельности безкорыстно - самоотверженной и благородно-идеальной. А чѣмъ утверждаютъ свое достоинство и свои права возстаніе и брань на Православіе? Кого воспитали и что̀ великаго совершили всѣ, въ совокупности ихъ взятые, разноглаголивые проповѣдники „подновленнаго“, извращеннаго христіанства? Не возмущеніе ли, не протестъ ли, не крамола ли являются корнемъ ихъ зарожденія и ложатся принципомъ ихъ ученія и дѣйствованія, и не возмущенія ли только, не крамолы ли, не шатаніе ли и разбродъ только вносятъ они во всѣ сферы жизни и дѣятельности человѣческаго общества?!

Если же всѣ отступники отъ свѣта Христова желаютъ ссылаться и опираться на науку, на знаніе, на исторію, и хотятъ, не внимая ни чьимъ указаніямъ, никакимъ авторитетамъ, самодѣятельно, честно и съ чистымъ стремлѐніемъ искать истины, идти къ правдѣ, то не могутъ же они не знать, что многія тысячи подобныхъ имъ искателей правды, глубокихъ мыслителей и ученыхъ, томимые жаждой въ безплодной пустынѣ своего собственнаго знанія, нашли себѣ полное удовлетвореніе въ неисчерпаемомъ источникѣ христіанства,— что предъ этимъ источникомъ благоговѣли тысячи величайшихъ въ свѣтѣ умовъ, что этотъ источникъ напаяетъ собою и свѣтомъ даруемаго имъ знанія просвѣщаетъ весь міръ, — что въ свѣтѣ этого знанія всѣ непредубѣжденные и открытые для него сердцемъ своимъ всегда находили себѣ только полную отраду души, миръ совѣсти и спасеніе вѣчное.

А что же смогли создать и что дѣйствительно создали наши многоумные просвѣтители, недовольствующіеся простотою евангельской истины и восполняющіе „несовершенства“ Православнаго христіанства? — Они ловко подхватываютъ, что называется на лету ловятъ чужія, на иновѣрномъ и плутающемъ западѣ зараждающіяся мысли и всякія ультра-либеральныя, противоправославныя выходки, и такъ отважно, самодовольно, такъ заманчиво для публики—отнюдь не мучимой жаждой истины, такъ увлекательно для сердецъ—отнюдь не горящихъ сверхъобыденными запросами, и такъ убѣдительно для головъ—отнюдь не обременяющихъ себя раздумьемъ, вѣщаютъ все это, взятое исчужа напрокатъ, какъ великія откровенія своего самодѣйствующаго и всѣ глубины постигшаго духа. И никогда еще пресловутые авторы новыхъ редакцій христіанства, ни сами о себѣ, ни вкупѣ съ своими инославными умственными вождями и владыками, ничего не измыслили новаго и истинно полезнаго, не сотворили ничего великаго и достойнаго, не выдвинули никакого самостоятельнаго зиждущаго начала. Если же и можно усматривать что добраго, симпатичнаго въ ихъ проповѣдяхъ, если чѣмъ и хвалились, съ чѣмъ и носились они, такъ все это всегда обязательно ими скрадывалось изъ позоримаго же, осуждаемего и отрицаемаго ими откровенія Православно-христіанскаго.

Должны, наконецъ, всѣ самообольщенные развратители православнаго благочестія на Руси святой согласиться, что ихъ „просвѣщенная“ дѣятельность, никѣмъ и ничѣмъ не вызванная, никому ненужная и лишь

только очень и очень многимъ погибельная, есть дѣятельность противоестественная, антинаціональная. Ни природныя свойства всегда миролюбиваго народа русскаго, ни многовѣковая умиротворяющая дѣятельность его въ семьѣ прочихъ народовъ, ни всею исторіею засвидѣтельствованная благодушная (иногда даже до крайности) уступчивость и снисходительная (иногда даже съ чѣмъ бы и не слѣдовало) уживчивость русскаго человѣка—словомъ, ничто въ природѣ и въ характерѣ русскаго человѣка не обусловливаетъ собою протеста, возстанія, возмущенія. Возмущеніе же противъ вѣры святой въ народѣ русскомъ, народѣ попреимуществу религіозномъ, искони строго-православномъ, можно сказать съ первыхъ дней бытія своего благовѣрномъ, есть тѣмъ большая аномалія, явленіе тѣмъ очевиднѣе уродливое, преступленіе противъ всей своей націи вдвойнѣ преступное. До очевидности ясно, что всѣ эти отрицанія и протесты въ области религіозно-нравственной, вѣроисповѣдной, суть порожденія и отпрыски культуры иностранной и инославной, что все это суть отраженіе тѣхъ въ своемъ-то мѣстѣ понятныхъ и неизбѣжныхъ броженій и колебаній, какія переживаетъ западъ, лишившійся истиннаго свѣта, неомраченнаго боговѣдѣнія, а потому и естественно—въ усиліяхъ улучить къ свѣту—блуждающій и претыкающійся и ошибающійся. И намъ ли людямъ русскимъ, православнымъ, въ дѣлѣ религіи, въ сферѣ духовнѣйшей, западу внимать, у него поучаться, ему подражать и слѣдовать?!

Конечно, было бы безразсудно отрицать успѣхи и относительное превосходство предъ нами западно-

европейскихъ народовъ въ области напр. экономической, промышленной, въ нѣкоторыхъ сторонахъ жизни соціальной, въ отношеніи житейскаго комфорта и т. п.; нельзя также отрицать достойнаго представительства иностранцевъ въ дѣлѣ разработки и движенія большинства наукъ, особенно естественныхъ, — во всемъ этомъ они поправу могутъ быть нашими учителями и руководителями; но въ области вѣроисповѣдной, религіозно-нравственной, въ сферѣ вообще идеальной, гуманитарной, наука ихъ еще никогда доселѣ, кажется, къ добру насъ не приводила, всегда очень дорого намъ обходилась, не малыхъ бѣдъ, огорченій и разочарованій стоила....

Припомнимъ, примѣрно, ту стыдную, но зато очень поучительную пору нашей русской жизни, когда всецѣло, безраздѣльно увлекались мы французской культурой, въ угоду ей отстали отъ своихъ отеческихъ благочестивыхъ обычаевъ, презирали свою родину, языкъ, нравы, вѣру,—словомъ, все, все приносили въ жертву всему, какъ тогда кощунственно привыкли мы титуловать, „божественному" французскому. И этотъ западъ, которому принесли мы столько и такихъ жертвъ, куда съ столь свѣтлыми чаяніями, пренебрегши даже своею родиною и всѣмъ роднымъ, обратили свои очи и сердца, отвѣтилъ намъ двѣнадцатымъ годомъ, т. е. полнымъ разоромъ страны родной, только по милости Божіей неудавшимся покушеніемъ на самостоятельность, на жизнь Руси православной!...

Потомъ, сколько и съ какимъ почтеніемъ преклонялись мы предъ германскимъ геніемъ, какъ только

ни славословили мы нѣмецкаго глубокомыслія и просвѣщенности, философіи и поэзіи? Но не оказалось ли, что все это—и глубокомысліе и поэзія—все это само въ себѣ очень хорошо, но все это не для насъ, покорныхъ и подобострастныхъ учениковъ: мы-то встрѣчали отъ тѣхъ, на кого завистливо смотрѣли, какъ на образецъ гуманизма, людскости, братства, носителей свободы, правды и справедливости, встрѣчали только вѣроломство, коварство и ужъ совсѣмъ не замаскировываемое даже недоброжелательство и несправедливость....

Мало того, мы дѣтей своихъ имъ, иновѣрцамъ и иностранцамъ, отдавали въ науку: ввѣряли имъ, такимъ образомъ, будущность Россіи; свою школу русскую построили по maнеру и составу ихъ, иноземной школы; всѣ учебники, всѣ книги, имѣющія питать воспріимчивыя души питомцевъ, или прямо взяли у нихъ или свои наполнили, по образцу ихъ книгъ, такимъ же „развивающимъ и облагороживающимъ" содержаніемъ, изгнавъ эту старую, подавляющую, какъ говорили, рутину, до возможнаго минимума сокративъ главнѣйшій дотолѣ образовательный элементъ—религіозный, нравоучительный. Трудно, конечно, взвѣсить и смѣрить цѣну и значеніе этого, такъ сказать, педагогическаго вліянія на насъ иновѣрцевъ; но во всякомъ случаѣ то фактъ, что уже не изъ старой, не изъ церковной школы стали появляться на Руси святой люди, которые отрицаютъ Бога, не вѣрятъ авторитету Православной церкви, нерѣдко потрясаютъ и личное счастіе и общественное благосостояніе, подрываютъ крѣпость народныхъ и государственныхъ силъ.... А едва ли бы все это было,

если бы, принявъ исчужа новое и хорошее, сохранили мы исконный, русскій характеръ своей школы и позволили себѣ въ семьѣ новопросвѣщенныхъ европейцевъ старорусскую вольность: если бы въ основѣ всего воспитанія и обученія русскаго оставили прежній несокрушимый краеугольный камень — Христа и живую вѣру въ Него и въ учрежденную Имъ святую Православную церковь....

Словомъ, не разъ уже, на пути своемъ къ прогрессу и усовершенствованію, поддавались мы соблазну передовой европейской цивилизаціи, не разъ, высвобождая себя изъ подъ опеки церкви и Православнаго христіанства, возлагали мы надежды свои „на князи и сыны человѣческія", и теперь, кажется, имѣемъ очень достаточныя данныя убѣдиться, что „въ нихъ нѣтъ спасенія". А между тѣмъ всѣ наши культурные невѣры на Руси, извратители и отрицатели Православія, принципіально возстающіе на авторитетъ Божественный, являются, непосредственно или посредственно, слѣпыми и фанатичными поклонниками такого именно авторитета—человѣческаго. Какая по-истинѣ жалкая и безразсудная замѣна! Оставивши Бога, не довѣряя Его церкви святой, они заражаются духомъ скептицизма, предубѣжденія, они выслѣживаютъ все, что злобствующій на Православіе нечестивый умъ человѣческій могъ измыслить противъ него, въ какихъ „несовершенствахъ" могъ оклеветать его; изъ всего этого они извлекаютъ самое, на ихъ взглядъ, язвительное, уничтожающее, восполняютъ это чужое собственными посильными кривотолками, и—предлагаютъ свои новые символы, строятъ

свою безбожную догматику. А масса равнодушнаго къ вѣрѣ общества, не знающая Евангелія и Православнаго ученія, какъ пикантною модою, какъ эффектною обновою, увлекается новыми лжеапостолами, тѣмъ болѣе, что въ ученіи ихъ многое, взятое изъ невѣдомаго обществу евангелія, впервые предстаетъ сознанію какъ очевидно хорошее, высокое, симпатичное, подкупающее. И вотъ невѣдомое дотолѣ евангеліе уже принципіально и сознательно предается забвенію, какъ нѣчто отсталое, старое, уже исправленное и усовершенствованное, а тетрадки и подпольныя брошюрки новыхъ лжеапостоловъ покупаются хоть на вѣсъ золота: ими зачитываются, ими восторгаются; сами болѣе или менѣе кощунствующіе, болѣе или менѣе дерзкіе авторы „новыхъ вѣръ“ становятся кумирами массы, героями дня, богатырями духа въ мнѣніи людей безсодержательныхъ и бездѣльныхъ, только отъ скуки да по вѣянію моды „богословствующихъ“, безпредметно сантиментальныхъ или безпричинно разочарованныхъ, но всегда одинаково падкихъ на всякую сплетню — даже въ религіи! Не про такихъ ли мудрецовъ и богослововъ, не про такихъ ли христіанъ еще святый апостолъ сказалъ: „они осуетились въ умствованіяхъ своихъ и омрачилось несмысленное сердце ихъ; называя себя мудрыми, обезумѣли“ (Римл. I, 21—22)?!

Повторяю, ни католичество, ни протестантство, ни расколъ, а легковѣріе полуобразованныхъ кружковъ народа нашего, религіозный индифферентизмъ и распространеніе только что указаннаго „ученаго раскола“ больше всего нарушаютъ миръ и спокойное царство

Православія на святой Руси, ложатся самымъ мрачнымъ пятномъ на нашу исконно благочестивую и отъ вѣка православную землю святорусскую. Но, повторю также, болѣзнь эта не смертная, не роковая: она скользитъ только по поверхности Россіи, она захватываетъ только элементы уже и безъ того болѣе или менѣе зараженные, больные, уже и безъ того почти чужіе для здороваго организма Россіи; но болѣзнь эта не проникла внутрь русской народности и не касается сути ея. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, мы съ истинною отрадою можемъ констатировать уже, какъ свершившійся и свершающійся фактъ, что болѣзнь эта усмотрѣна, опредѣлена и дѣйствительнѣйшее средство противъ нея уже предпринято. Кому изъ насъ не вѣдомо, что въ Россіи совершается теперь, какъ говорятъ, реакція, что все національное, русское, все православное и религіозно-нравственное стало предметомъ живѣйшихъ заботъ и особенныхъ попеченій—и правительства и всѣхъ лучшихъ людей Россіи? Вся нравственная атмосфера отчизны нашей видимо очищается и оздоравливается, вся духовная почва ея воздѣлывается теперь къ лучшему, къ хорошему. Ну какъ, кстати и тутъ, не отмѣтить благодарнымъ словомъ заведеніе теперь при всѣхъ православныхъ нашихъ храмахъ школъ и училищъ? Это вѣковѣчный хлѣбъ духовный, сѣющійся въ нетлѣніе Руси святой! Правда, школы эти могутъ быть бѣдны, невзрачны въ сравненіи съ школами прежними, „образцовыми“ и необразцовыми; но онѣ бѣдны только разными внѣшними аттрибутами учености, зато несомнѣнно онѣ будутъ сильны и полны, велики и полезны

духомъ православнаго благочестія, витающимъ подъ сѣнію пріютившихъ эти школы храмовъ православныхъ. Очень возможно, что юныя поколѣнія Россіи—ея грядущая сила и надежда—не встрѣтятся въ этихъ школахъ съ разными заморскими науками, но зато въ храмѣ православномъ, безъ сомнѣнія, встрѣтитъ ихъ и, быть можетъ, на всю жизнь благотворно согрѣетъ сердце, или хоть крупицею да западетъ въ душу—наука наукъ, „яже едина есть на потребу". Въ школѣ церковной, конечно, не научится русскій человѣкъ иностраннымъ языкамъ, но зато онъ сроднится здѣсь тѣснѣе и еще родственнѣе съ своимъ завѣтнымъ, отеческимъ и священнымъ языкомъ—славянскимъ, на которомъ и возможно услыхать однѣ только святыя рѣчи и которому безусловно чуждо все, позорящее человѣческій языкъ и человѣческое слово. Можетъ быть не всегда и не много найдетъ здѣсь ученикъ разныхъ хрестоматій, сборниковъ для „легкаго" чтенія, зато навѣрное найдутся тутъ, а авось и на глаза лишній разъ попадутся книги „божественныя", священныя; найдется, безъ сомнѣнія, и забытая было въ нашихъ школахъ та богодухновенная книга царя Давида, на которую самъ Спаситель ссылался въ доказательство своего Божества, пѣснями которой Онъ услаждалъ и успокоивалъ свою скорбную душу предъ крестными страданіями, въ которой и святые апостолы завѣщали искать высшаго духовнаго услажденія, и словами которой наши прадѣды и отцы цѣлую тысячу лѣтъ обыкли возносить къ Богу свои моленія, возвѣщать Ему печали и скорби свои. Авось, наконецъ, въ школѣ церковной человѣкъ русскій съ дѣтства навык-

нетъ вообще въ церковности, научится благоговѣйно чтить церковные уставы, уважать скромнаго своего учителя—бѣднаго служителя церкви Господней, хоть сколько нибудь проникнется уваженіемъ и къ своей испоконъ-вѣку благовѣрной родинѣ, возлюбитъ свято сохранившихъ ему въ теченіе девятнадцати вѣковъ вѣру Православную праотцевъ и отцовъ своихъ, и тогда—благо будетъ тогда Россіи и „долголѣтна будетъ она на земли"!

Итакъ, „ничтоже успѣетъ" всякая вражда земная на Православіе, злобствующая на него и язвящая его даже въ самой обители Православія—на Руси святой! Не смутитъ и не устрашитъ эта вражда православнаго христіанина: съ молитвенной надеждою на Промыслъ Божій, который „не предастъ насъ до конца", смѣло и свѣтло смотримъ мы впередъ, на будущее православной Россіи, твердо надѣемся на ея здоровыя силы и присущіе ей родовые инстинкты, крѣпко вѣруемъ, что на благовѣрной Руси святой никогда „не преуспѣютъ противящіися истинѣ" (2 Тимоѳ. III, 8—9). Вся исторія церкви русской есть исторія побѣды Православія надъ врагами его, торжества надъ козними и интригами противъ него. Вся исторія Россіи есть несомнѣнный памятникъ благодатнаго присутствія въ осѣняющемъ землю святорусскую Православіи Самого Основателя и Главы церкви Спасителя Іисуса Христа и Утѣшителя Святаго Духа. Вся исторія наша есть поучительное слово о ревностномъ самоохраненіи народа русскаго въ Православномъ благовѣріи. Безспорно, Россія *была* доселѣ

вѣрною и честною представительницею Православія для всей земли, истиннымъ свѣточемъ его въ человѣствѣ. А это прошлое, уже пережитое, служитъ отраднымъ залогомъ и будущаго.... Искони просвѣтившее и вѣками воспитавшее мощный духъ великаго народа русскаго, богооткровенное ученіе святой вѣры Православной и впредь всегда свѣтомъ своимъ будетъ проникать и озарять Россію, останется основною стихіею русской жизни, нашимъ ангеломъ хранителемъ, нашею силою и славою!

Не страшно русскому Православію католичество, которое, растративъ ввѣренный ему жизненный капиталъ и богатое лишь старыми претензіями да новыми догматами, въ предсмертной агоніи своего угасающаго начала съ жадною завистію смотритъ на Православіе и готово само возложить на него всѣ свои упованія [1]). Не страшно Православію на святой Руси и протестантство, которое не можетъ не сознавать односторонности своего отрицательнаго, не зиждущаго, а разрушающаго только начала и, въ усиліяхъ выйти изъ лабиринта противорѣчій, въ какихъ путаются многочисленныя протестантскія общества, давно уже ищетъ истиннаго идеала Христовой церкви и давно уже усмотрѣло у насъ, „на Востокѣ свѣтъ“ [2]). Не страшны, наконецъ, Провославію на Руси святой ни темный, безумный расколъ, ни малоумные русскіе выродки, посягающіе на

---

[1]) Напримѣръ, всего только нѣсколько дней тому назадъ газеты сообщили о какой-то новой энцикликѣ папы относительно соединенія церкви католической съ восточною.

[2]) Сочиненія Овербека и др.

святое Православіе: русскій народъ, Промысломъ Божіимъ изъ небытія своего прямо вызванный къ бытію православному, съ первыми звуками своего слова впитавшій въ себя начала Православія, можно сказать родившійся православнымъ, отрекается отъ этихъ измѣнниковъ своихъ, какъ онъ отречется отъ себя самого, если поступится хоть единымъ перломъ изъ духовныхъ сокровищъ своей святѣйшей вѣры!

Все неправое, неистинное, инославное—и католичество, и протестантство, и расколъ, и всѣ эти безчисленные соціализмы, раціонализмы, атеизмы и т. д. и т. д.—все это временно, все это преходяще и все это безсильно. Единое правое христіанство, истинное, неизвращенное боговѣденіе, откровенное вѣроученіе, словомъ, единое только Православіе всегда было, есть и будетъ неизмѣнно и непоколебимо, какъ столпъ и утвержденіе истины,—только его одно во вѣки вѣчные и врата адовы не одолѣютъ! Вѣруемъ и на милость Господню надѣемся, что и хранительница, исповѣдница и провозвѣстница Православія на землѣ — Россія навсегда свято и неизмѣнно останется *кивотомъ*, охраняющимъ въ себѣ небесную манну Православія,—вторымъ *ковчегомъ*, спасающимъ Православіе отъ волнъ бушующаго по землѣ нравственнаго и духовнаго потопа; останется, по словамъ нашего древняго инока, „*третьимъ Римомъ*“, который будетъ во вѣки стоять, — „а четвертому не быть!“